

К. Юдин А. Доцент

БЕШНОСВЯТ

Алексей Доцент

БЕСНОСВЯТ

«Издательские решения»

Доцент А.

БЕСНОСВЯТ / А. Доцент — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930550-3

Эта история реальна, хотя и не кажется таковой. Однако, если же вы не пожелаете уверовать в ее истинность, то прочтите повесть хотя бы как захватывающую страшную сказку, появившуюся на свет благодаря глубокому воображению авторов. И так. В этой книге вас ждут: легендарные стихотворение и повесть «Бесносвят», а также подробные комментарии авторов, потрясающие иллюстрации, выполненные талантливой художницей Марией Кутузовой.

ISBN 978-5-44-930550-3

© Доцент А.
© Издательские решения

Содержание

СТИХОТВОРЕНИЕ	6
ПОВЕСТЬ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

БЕСНОСВЯТ

**Алексей Доцент
Константин Юдин**

*Все это произошло
неважно в каком месте,
Километра три отсюда,
а может быть и двести.
Проще сказать —
на куличиках у черта.
И не ищите это место,
оно с земли уже стерто!*

Иллюстратор Мария Кутузова

© Алексей Доцент, 2019
© Константин Юдин, 2019
© Мария Кутузова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4493-0550-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХОТВОРЕНИЕ

Бесносвят на селе
уродился давече,
Он взошёл вместе с полной
Луной.
За семь дней и ночей
пол села покалечил,
Порожденный самим
сатаной.
Он на бесиве жил,
он повсюду скитался,
И он от роду был
вовкулак.
Он село скинуть в скот
заговором пытался,
Неустанно старался,
ведьмак.

И пытались убить
Бесносвята на селе,
Но он при сатане
не раним.
Дьявол раны лизал
на уродливом теле,
Хоронясь постоянно
за ним.
И пытались изгнать
ворога чертогом,
И брались уничтожить
огнём,
Но смеялся шайтан,
говоря злобным тоном,
Что бессмертен он ночью
и днём.

При Луне, на погосте,
вельзевул бесновался,
Мертвецов из могил
поднимал,
И над ними не-наш
как хотел измывался,
На село по ночам
насылал.
А порой, подле хат
бесновались анчутки
И кричали совой
у ворот.

Эти злые, нечистые,
адские шулки
Из ума выводили
народ.

И дошло до сельчан,
что сказал бес давёче,
Чем себя сам он
и уязвил:
Он про ночь и про день говорил,
а про вечер
И про утро он
не говорил.
И убили его поутру
на рассвете,
Когда шут без хранителя
шёл.
Уничтожили за
беды, горести эти,
В сердце вбили осинový
кол!

До сих пор на селе
его адские стоны
Раздаются с полей
и лесов!
Ночью падают с полок
кресты и иконы,
Возгораются печи
без дров!
И в печах видит люд,
во пламени, проклятый
Некошного уродливый
лик!
Захоронено тело,
но дух бесносвятый
До сих пор на селе
не поник!

г. Санкт-Петербург, 2002

ПОВЕСТЬ

– Давно это было – начал рассказывать старый егерь, задумчиво вороша тлеющие в печурке угли. – Мне тогда, почитай, годков семь-восемь было. Лихое время тогда наступило. Как какое проклятие над Россией тогда случилось. Люди все как из ума выжили – шутка сказать, царя-батюшку скинули. Но все случилось из-за этой войны проклятой мировой – едрить ее в растуды. Нечисть, видно, какая-то ее задумала, и нечисть тогда и подниматься стала. Исполкон веку, старики говорили, такого никто не видывал. Только при Петре Алексеевиче, говорили нам прадеды, а им ихние прадеды сказывали, рыскали вокруг сел оборотни, а нечисть по погостам бесновалась – за то в народе его Антихристом и нарекли. Говорить только про то никому не велено было, а ослушникам ноздри рвали и лбы клеймили, опосля чего на Урал да в Сибирь ссылали в страшные рудники и шахты, откуда, говорят, никому назад уже хода не было.

Старик закрыл дверцу печи и пошаркал к своему стулу, бывшему, наверняка, ровесником своего хозяина. Тот не спеша опустился в него, достал из кармана кацавейки скомканный газетный лист, расправил его, а затем оторвал от него неширокую полоску бумаги. После этого он вытащил и другого кармана кисет с саморучно выращенным и засушенным по особому способу самосадам – чтобы был поядренее, да позабористее – и аккуратно высыпал табак на бумажку. Свернув самокрутку и проведя языком по краю бумаги, старый егерь задымил своей сигаркой, наполнив воздух дымом, который непривычному человеку мог показаться ядовитыми газами, применявшимися немцами во время битвы на Ипре.

– Что за бумага пошла! Не бумага, а невесть что – недовольно пробурчал он. Вот раньше была бумага, так бумага. Бывалочи, от «Правды» такой дух шел, что и дым выпускать не хотелось. А сейчас везде одни нитраты. Да и печатают что – срамоту одну. Эту бумагу только на подтирку пускать, а не на курево.

– Вы, кажется, что-то насчет нечисти рассказывали – вынужден был перебить его я.

– Да, милоч, плохая пошла бумага – продолжал он, будто и не слыша меня. А про нечисть то я тебе сейчас расскажу. Ты чай себе заваривай. История то не маленькая – коротко не расскажешь. Нечисти, сынок, у нас здесь полно было. Говорят, выходит она только в лихую пору – жди тогда беды большой. Так оно и вышло. Упаси Боже кому еще такое увидеть – страх ужасный.

По лицу старика пробежала тень. Дотоле добродушное и приветливое оно превратилось в каменную маску какого-то древнего изваяния. Взгляд его остекленел, и зрачки неподвижно усталились в одну точку. Рука с дотлевающим в ней окурком застыла в неподвижности на столе. Было видно – старик вновь переживает те далекие события, случившиеся с ним на заре его долгой и непростой жизни.

Неожиданно он скинул с себя оцепенение и начал скрипучим старческим голосом рассказывать свою историю. По ходу повествования он все больше и больше воодушевлялся, а под конец его даже стал вставать со своего стула, хромая назад и вперед по избушке и усиленно жестикулируя. Я в восхищении слушал его рассказ, даже не задумываясь о том, правда то или нет. В любом случае, история, рассказанная егерем, была достойна того, чтобы быть записанной.

Недавно я вновь приехал к своему давнему знакомому, чтобы уточнить у него некоторые детали, касающиеся этой истории, но с сожалением узнал, что его больше нет.

Безмолвный могильный холмик встретил меня на кладбище. Погода была сырой и дождливой. Ветер гнал серые тучи по небу и срывал с деревьев последние пожухлые листья. С сожа-

лением и грустью смотрел я на последнее пристанище рассказчика, чья история так сильно запала мне в душу.

Простояв некоторое время у его могилки, я повернул обратно. Как жаль – подумал я – что люди имеют свойство умирать никого не предупредив об этом заранее.

– А все с того началось, что у нас в селе на отшибе одна баба жила. Ни мужа, ни детей у нее никогда не было. Жила она всегда одна и людей чуралась. Люди ее дурочкой считали, так и прозывали ее – Дурочка. По имени никто ее и не звал никогда – да имени никто почти и не знал. Так – Дурочка, да Дурочка.

А потом слухи пошли, что баба эта с нечистой силой знается. Будто бы ночью в самую темень выходит она из дому босиком и с распущенными волосами. Говорили, что она и по пого-сту гуляет, какие-то слова выкрикивая.

Как-то раз мужики наши с ярмарки ехали – припозднились и ночью лесом домой возвращались. Напились, конечно. Ехали, балагурили, и вдруг смех адский услышали – дикий и неистовый. А потом с той же стороны вдруг волчий вой послышался.

Мужики потом говорили, что смех этот точно той бабы был. Она и раньше все время особняком жила, а теперь ее и подавно стороной обходить стали. Около избы ее никто и ходить уже не отваживался. Даже было сжечь ее надумали, да никто грех на душу взять не решился – а зря, может и не было бы потом такой беды на селе. А потом и случилось то, что жизни нам потом долгие годы не давало. Родила дурочка ребеночка. Одна родила – ни бабы-повитухи, ни фельдшер к ней не навевывались.

Долго никто и не думал, чье это дитя. Ночью в полную Луну он родился. Долго потом ту ночь вспоминали. Во всех избах в печах чугунки гремели, половицы криком скрипели – будто кто по хатам ходил, в стекла всю ночь кто-то бился, словно внутрь пробиться пытался. Скотина в хлевах металась, куры петухами кричали, ветер дерева чуть ли не до земли гнул, в трубах домовые кричали. Страху все в ту ночь натерпелись!

Вспомнили потом и смех ужасный в лесу, и волчий, опосля чего порешили, что по сроку все сходится. Видно, Дурочка с оборотнем каким сошлась и от него Бесносвята прижила. Мы только так его и звали. Имени человеческого у него никогда и не было, никто его не крестил. Может, нечисть его по своему сатанинскому обряду окрестила – про то нам неведомо было.

Рос Бесносвят таким же нелюдимым, как и мать его. По правде сказать, никто с ним дружбы-знакомства заводить и не собирався. Но, видно, иногда в нем душа человеческая просыпалась. Случалось, когда он еще малой был, заходит, значит, он в деревню и издалеча смотрел, как другие ребятишки друг с другом играют. Бабы как увидят, что тот на ихних деток смотрит, с розгами на улицу выбегали, грозились ему, иногда даже стегали. Говорят: «Уходи, выродок проклятый, отсель. Нечего тут детишек наших глазить. Прочь пошел к ведьме своей в берлогу, а здесь и не появляйся».

Дети тоже его не привечали. Как завидят, так сразу начнут палками, да камнями в него кидаться. Как-то раз мужики собак на него натравили. Покусали они его всего, а мальчонка, ему уже тогда годков десять было, как крикнет: пожалеете, мол, вы все еще, что меня не жалуете. Кровью своей умоетесь. А потом побежал к хате своей, где они вместе со своей матерью-ведуньей жили. Долго потом ни слуху, ни духу от них не было. Ночью только в избе их свет горел, иногда до самого утра. Говорили, теперь они ночью вдвоем из своей избы выходят, и обряды свои творят. Вроде бы они всякий дурман и зелье пьют, из ума от этого выходят и с самим адовым войском дело ведут.

Видать, слова эти правдой были. А когда мальчонке шестнадцать годков исполнилось, умерла его мать. Понеслась душа его прямо в ад, а плоть от плоти ее – дитя ее осталось, чтобы дело ее дальше творить и зло на весь честной православный народ наводить.

Разозлился тогда Бесносвят на весь свет белый. И пришел он уже в последний раз человеком на село – лицом и видом ужасный был! Волосы белесы ему по пояс были, на руках когти длинные, лицом смугл – то ли немыт, то ли в пекле обгорел, глаза кровью налитые, изо рта клыки торчат. Шея, что у быка – вся в венах вспухших. Одежда вся из шкур звериных, на голове шапка не шапка, а башка волчья с пастью разинутой, откуда Бесносвята лицо смотрело.

Пришел он на село и говорит: «Знайте, люди, мать моя великой ведуньей была и мне по наследству все свое умение передала. Теперь я уже больше ее знаю. Вы и ее и меня много лет мучили, теперь мой черед вас мукам предать настал. С этой поры вы изгоями станете и узнаете, каково в страхе каждый день и каждую ночь жить».

Сказал он эти слова и как сквозь землю провалился. Стоял, грозился – и через миг единый нету уже его. Заверещали тут бабы, призадумались мужики. Поняли они, какая беда на них нашла, какое зло вокруг них ходит.

Страх по всему селу от таких слов прошел. Народ весь сразу хмурым и угрюмым делался. Исподлобья друг на друга смотрели и у всех только одна мысль была: что там еще Бесносвят удумает.

И по осень начались дела страшные. Из печей стали кирпичи выскакивать – людям кости дробить. Кто себе топором руку отрубит, то в доме балка рухнет и человека придавит. Скотина стала беситься. Бык самый огромный ворота хлева разметал – двух человек на рога поднял, копытами топтать стал. Еле отбили у него тех двоих, а быка осатаневшего прибить пришлось.

А потом и вовсе ужас начался. Ночью вдруг изба загорелась, и вся семья в ней погорела. Наутро только угли дымящиеся нашли и ошметки мяса обгорелого.

Народ тут крепко задумался. Видно было, что сила нечистая не на шутку на село ополчилось. Бесносвят проклятый слово свое сдержал – крепко село испужалось тогда. По всей округе слава недобрая пошла, никто даже и к нам и не заезжал, а по воскресеньям на базаре наших стороной обходить стали. Что и говорить – хиреть село от выходок колдуна этого стало. Народ руки опустил, мужики пить горькую стали, в церковь ходить забросили. Неустроенно все стало – а Бесносвяту только этого и надо было. Никого он уже не боялся – ни Бога, ни людей. Сатана за него горой стоял, силой бесовской его наделил. И днем Бесносвят уже не хоронился. Ходил по окoliце, заговоры шептал, сатанинские меты на тропах и дорогах ставил, на поля неурожай наводил. Если кто решался с крестом и святой водой его прогонять – только смеялся на это и слова богохульные и срамные кричал. Иногда просто на распяты плевал, а воду святую отбирал и на землю выливал. Говорил он, что бог ему не хозяин и что все эти штуки поповские ему нипочем. А тем, кто на него выходил, муками страшными грозил и смертью недоброй. Собрались тут мужики и решили Бесносвята изгубить. Взялись за топоры да вилы и всей гурьбой к его хате пошли. Паклю смоляную подожгли и ему в окно кинули. Изба загорелась вся ясным пламенем – ждут мужики, когда колдун выбежит, чтобы в куски изрубить. А тот через чердак на крышу вылез – горит весь и смеется жутко. Кричит: «Думали меня огнем извести, думали меня крестом да водичкой святой прогнать, думаете теперь железом каленым меня убить. Знайте, мужичье-лапотники, вовек вам меня не одолеть. Плоть моя и дух мой не в вашей власти. И ночью и днем не взять вам меня. Раны свои я залечу вмиг – злости только во мне прибавилось».

Сказал он так и прыгнул весь во пламени прямо в толпу. Расступились тут люди и побежали обратно что есть мочи. А Бесносвят к лесу пошел – раны свои лечить у лешего в норе.

Горько и тоскливо тут стало на селе нашем. Все отчаялись напасть эту от себя отвести. А Бесносвят новое изуверство задумал. Решил мертвых он из могил поднимать, да на живых их насылать. Не знаю уж, что он на кладбище творил такое, только стали по ночам к домам покойники приходить – в двери да окна стучаться. Голосом страшным стали они живых звать и внутрь проситься. Ужас как страшно было, когда к людям домой их родня покойная приходила, когда родичи умершие с того света возвращаются. Совсем народ из ума тут выходить стал. Нельзя больше было такого выносить. Но, то только начало было, только начинал народ все те муки терпеть, что насылал на них Бесносвят проклятый.

Тут и война началась. Со всей Руси народ на бойню ту послали. Много и из нашего села мужиков в солдаты забрали, да только вернулось их совсем не столько, сколько уходило, да и из них половина – калеки. Обезлюдело тогда село наше. Старики, бабы и малые ребятишки одни остались. Лихоимцев тогда по всей округе развелось великое число, а тут еще где-то Бесносвят в

соседнем лесочке жил. Хату то его сожгли и теперь он навсегда от людей ушел к нечисти лесной.

Это мне все моя мать рассказывала – я тогда еще малой был. А что потом было, когда война к концу катилась, когда самая страшная пора начиналась, и дьявол уже всей страной овладел, я хорошо помню. Сам все видел собственными глазами, все как вчера было – перед глазами стоит.

Все уж в нашем селе страху натерпелись от колдуна этого проклятого. Мне тогда восьмой годок шел. Жили мы матерью, с братьями и сестрами одни в избе – отца давно уже как в солдаты забрали. Прямо за нашим домом лес начинался, где Бесносвят где-то жил скитался. Зима наступила уже – дни короткими стали, вечерело рано. Волков в тот год появилась тьма. Рыскали они вокруг жилья человеческого стаями и вынюхивали что-то. И как-то раз видел я

издали на опушке как человек стоит и вроде бы в нашу сторону приглядывается, а за ним три волчищи огромных сидят.

Долго тот человек на наш дом смотрел – жуть меня пробирать стала, не мог я и шага ступить, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Как окаменел я в тот миг, словно бы наваждение какое нашло на меня тогда. Почувствовал я недоброе, тьму вековую как бы увидал, когда на Бесносвята этого глядел. Сколько то продолжалось – не знаю, да только вдруг отвернулся он и быстро к лесу пошел, а волки за ним рысцой потрусили. Мигом с меня то наваждение сошло.

Побежал я обратно к хате, кричу: «Мамка. Мамка, Бесносвят на меня глядел. Не мог с места я сойти, три волка здоровенных с ним были». Мамка в слезы ударилась, причитать тут же начала. Недоброе она почуяла сразу. Всех нас малых она перекрестила, перед иконками лампадки зажгла – отворотить беду пыталась. Да разве отворишь от себя Сатану, коли он тебе в гости пожаловать захотел? Изба у нас крепкая была. Бревна из вековых сосен были. Отец сам в лес ходил – по бревнышку на лошадке нашей привозил. Славный дом у нас был! Печка, помню, такая теплая была. Бывало, заберешься на нее спать и до самого утра жар от нее идет. Засовы у нас и на дверях и на засовах добротные тоде были – щеколды стальные кованые. Трудно было человеку в наш дом ночью попасть. Ну да то человек, а Бесносвят, ведь, человеком наполовину только был, а в другую – нечистым, оборотнем, вурдалаком. Двери мы после того, как я с ведуним злым повстречался, мы на все засовы-запоры позакрывали. Кресты на воротах мелом нарисовали, чертополоха колючек на них понавешали – не зря у него и имя такое. На двери святой водой побрызгали, окна крестным знаменем перегородили, да, вдобавок заговором-заклятием древним от пращуров нам доставшимся заговорили.

Помолясь, спать легли, кинули краюху хлеба домовому в печку на лакомство. Думали, авось, пройдет на этот раз лихо нас стороной – да не тут-то было. В ночь самую глухую

вдруг проснулся я. Чувствую, как давеча, жуть-тоска на меня навалилась. Пот холодный всего меня прошиб насквозь, исподнее на мне было – хоть выжимай. Чувствую не чувствую, слышу не слышу, вижу не вижу, но знаю – кто-то около дома нашего ходит, что-то нехорошее к нам войти стремится. Тут я мамку крикнуть захотел, а язык не шевелится – нету силы у меня ни крикнуть, ни слова единого сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.